

● В РОССИИ ОН БЫЛ НЕВЬЕЗДНЫМ, ТЕПЕРЬ - МИРОВАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ

ЛИЧНОСТЬ

- Тянет домой?
- Не очень. Я занят так много и так безумно напряженно живу, что практически нет времени для ностальгии. Когда-то в 70-х годах мне часто задавали вопрос о ностальгии, и я пытался разобраться: что это такое? Для меня ностальгия - это в первую очередь интеллектуальный круг русской культуры...

- Да уж не березки, наверное...
- Нет, не березки. Но какие-то нежные запахи, воспоминания, самые странные, почти что прустовские ассоциации.

- Говорят, и просто по языку скучают, по звучанию его.

- Да, писателям не хватает русской речи. Я говорю по-английски и по-немецки. Читал лекции в Колумбийском университете и очень уставал, потому что, когда говоришь по-английски, другие мышцы работают. У меня даже за ушами болело.

- Эрнст Иосифович, у вас складывались достаточно сложные отношения с прошлым режимом. Вы ощущаете себя обиженным, оскорбленным, жертвой? Осталось ли какое-то чувство озлобления?

- У меня его вообще никогда не было. Было полное неприятие коммунистической идеологии. И скорее еще чисто эстетическое неприятие образа жизни, который нам навязывался. Со мной это было не как с другими людьми, которые вдруг для себя открыли пороки этой идеологии и у них появилось разочарование, которое и влечет за собой озлобление. Я родился в семье лишенцев, репрессированных. Мой отец и мои дядьки были белыми офицерами. Часть их была убита. Но отец говорил, что если не вся семья, то хотя бы мы должны быть благодарными, потому что остались живы.

- С каким чувством вы покидали страну?

- Я не покидал. Меня вытолкнули оттуда.

- Сами бы вы никогда не решились на такой шаг?

- Я требовал много раз отпустить меня на 2 года - поработать. У меня было 67 приглашений работать за рубежом. Но я был плотно невьездным.

- Вас причисляют к диссидентам...

- Я никогда не пожинал лавров диссидентства. Больше того, уехав на Запад, где меня приветствовали как диссидента, я отказывался от этого лаврового венка. Видите ли, при пересечении государственной границы диссиденты начинают плодиться в геометрической прогрессии. Я не был диссидентом в общепринятом смысле слова. Просто отстаивал свое право на человеческую честь, достоинство, свободу художника. Я не выступал даже против врагов, людей, которые меня душили. Я боролся за право работать, как хочу. Но это зашло далеко, потому что я человек крутой и отстаивал это, может быть, довольно круто.

- Существует такая точка зрения, что, выехав на Запад, обретя, безусловно, какую-то долю свободы, человек попадает в другую зависимость. Вы этого на себе не ощутили?
- Ощутил и до сегодняшне-

го дня ощущаю. Но это нормальная ситуация. В принципе нет совершенного мира. Поиски рая на земле - это дело дураков. Просто есть градусы зависимости. Если в России какие-то вещи мне грозили тюрьмой, то здесь - неким отчуждением от моды.

- Вы на себе и это испытали?

- Конечно. Это очень серьезно. Я на себе ощутил этот пресс, потому что здесь также не шел на компромиссы, у нас - связанные с идеологией, а у них - с модой. Но в конце концов именно моя неукротимость и дала мне возможность в моем возрасте выстоять и вписаться в западный мир.

- Вас называют "гражданином мира". Вы не ощущаете себя оторванным от своих российских корней? Или для вас не существует такой проблемы?..

- Вы подсказали мне ответ: для меня не существует такой проблемы. Ее вообще не существует, во всяком случае в Америке. Там можно оставаться японцем и при этом быть американцем. Это нормально для той цивилизации, которая называется американской. Я русский художник, который живет на Западе. Потом - я уехал в 50 лет! И характер, и философия, и язык мой родной - все русское. А гражданство - американское. Но вот, например, еще в 1977 году вышла книга, где отобрали 33 художника из 33 стран. И я очень горд, что меня выбрали художником, олицетворяющим Россию.

- Когда вы в последний раз были в России?

- Не так давно, в связи с открытием памятника в Магадане. Потом я был приглашен Лужковым на 850-летие Москвы.

- Пожалуйста, поподробнее о вашем житье-бытье в Америке.

- Я живу в Нью-Йорке. Купил себе очень большую студию, где Центр искусства, и построил свой дом на острове. Раньше мы арендовали очень хорошее помещение, но оно, к сожалению, сгорело. Поэтому сейчас я живу в мастерской, что не очень удобно.

- Вы практичный человек или таковым поневоле ощутили себя там?

- Я человек непрактичный. У меня очень развито стратегическое мышление. Но я никудышный тактик. Когда дело доходит до практических моментов, я не то что не понимаю, я скучаю. Мне трудно заполнить анкету, мне не хочется подписывать чеки. Я не люблю считать. Этим занимаются моя жена, директор студии, адвокат. Целый штат!

- У вас есть постоянные заказы?

- Были раньше выставки. Сейчас их меньше, потому что я ориентирован на монументальные работы. Живу их продажей. Я оказался одним из немногих скульпторов (не

только русских, но и американских), которые могут существовать относительно безбедно. За счет искусства это очень сложно. Потому что в одном только Манхэттене 95 тысяч художников, а вообще в Нью-Йорке - около полумиллиона только американских,

писателем, тогда все очень просто - чернила, ручка и хлеб. Но скульптор подключен к материальному производству. Я двадцать лет это все создавал на Западе. А теперь Лужков обещает дать мне студию. Это уже первый шаг...

Эрнст Неизвестный: «Поиски рая на земле - Дело дураков»

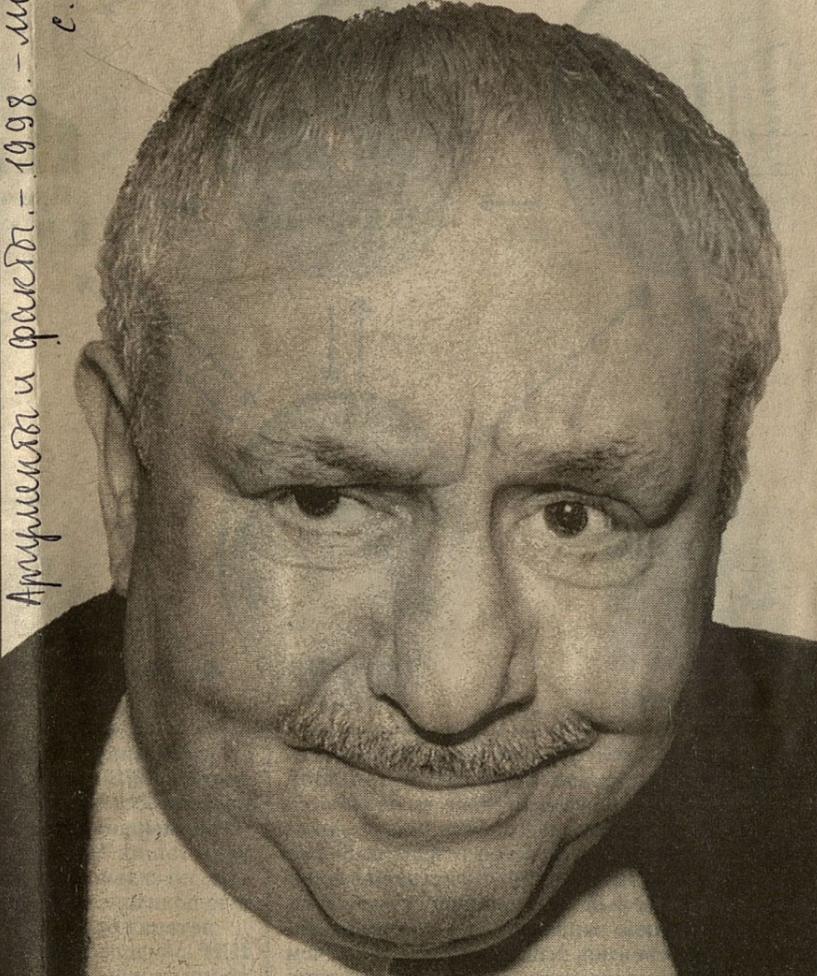

Фото Эдуарда Лаповка

не говоря о людях с русскими, израильскими, аргентинскими, французскими паспортами. Там огромный рынок и конкуренция.

- Вам трудно было, наверное, вписываться в эту реальность?

- Мне было очень трудно. В России существовали четко очерченные правила игры - надо было быть покорным и вписываться в корпоративные взаимоотношения Союза художников, Министерства культуры, высшего идеологического аппарата. И я мог бы, но не хотел. Приехав на Запад, я не знал правил игры. Я был принят на самом высоком уровне с аплодисментами. Но ушел из этого круга, потому что я не светский человек. В Америке в основном надо тусоваться с утра до ночи. Но, поскольку я работаю руками и очень старомодно, у меня 80% сил уходит на физическую работу. Я не могу тратить время на светскую жизнь.

- Можно сказать, что судьба ваша там состоялась?

- На 100 процентов.

- Если говорить о будущем, мысли о том, чтобы вернуться, у вас не возникает?

- Почему же? И Борис Николаевич Ельцин, и Горбачев в свое время предлагали мне вернуться. Мой ответ прост, и в нем не содержится никаких эмоциональных причин, он чисто практический. Если бы я был поэтом, философом или

- Вы стараетесь следить за тем, что происходит с художниками в России?

- Разумеется. Есть Фонд Эрнста Неизвестного, созданный, чтобы помогать молодым художникам. Есть список этих людей. Но дело затормозилось: нужны деньги. Мне казалось, что в России неизбежно найдутся меценаты, но у меня не хватает организационных способностей достать деньги.

- Есть мнение, что искусство в России умирает.

- Я в это не верю. Дело в том, что искусство, с точки зрения участников этого процесса, всегда умирает. Еще Катулл говорил, что в древности были поэты, а сейчас нет. И мы, шестидесятники, счита-

ли, что вот раньше были могикане, а мы - нет. То же самое и сегодня. Культура же, в широком смысле, не умирает. Ее не может убить никакой социум. Это неподвластно ни тоталитарной, ни любой другой системе.

- Когда вы приезжаете в Россию, ощущаете какие-то перемены? К лучшему или к худшему?

- Перемены грандиозные - и к лучшему, и к худшему. Это объективный процесс. Я, например, глубоко убежден, что 1917 год - менее крупное историческое событие, чем распад СССР. В 1917 году произошла смена формы правления, но в истории это уже происходило: от королевства - к республикам и наоборот. А вот сейчас - распад мощнейшей идеи, идеологии, распад империи! И это событие высокого исторического порядка.

Если же говорить просто о моих ощущениях от жизни, то, естественно, я вижу, что люди в России живут очень плохо. Потому что кто-то живет намного лучше, чем раньше. Но для меня, например, жившего в достаточно аскетичные и тяжелые времена, свобода религиозная, свобода совести, свобода высказываний и самовыражения всегда были, конечно, важнее материального достатка.

- Что вам нужно для того, чтобы ощущать себя комфортно?

- Чтобы меня оставили в покое.

- Что для вас самое большое несчастье?

- Самое большое несчастье и страдание - это невозможность состояться. Мне кажется, это самый большой страх в юности. Этот страх меня преследует всю жизнь. Поэтому я, возможно, инфантилен.

- А успех вам необходим?

- Успех необходим. Но я думаю, что все зависит от темперамента. Есть люди экстравертные. Им нужны аплодисменты. И есть люди интровертные. Им нужны самооценка, самоосознание. Даже если есть аплодисменты, они не очень счастливы и думают, что сделали не то, что хотят. Я принадлежу ко второму типу.

- Вам свойственно тщеславие?

- Я очень часто об этом думаю. Тщеславие - плохое слово. И я бы сказал, что мне оно не свойственно. Когда-то я думал: если бы мне дали возможность делать то, что я хочу, как скульптору и подписаться чужим именем, я бы на это пошел. Потому что важнее выразиться, чем увидеть свое имя напечатанным. Это на 100% честно.

Марина МУРЗИНА

«Я никогда не пожинал лавров диссидентства».

«У меня нет времени для ностальгии».

Архивная и фотодат. - 1998. - май. - (и др.) с. 3.

85